

Александр Францев

Над равнодушной державой

* * *

Не придёт с работы уже никто,
хмурый и помятый.
Потому что папа — «кобель в пальто»
и пропал с зарплатой.

Подождёшь его ещё пару лет
и узнаешь вскоре,
что на самом деле им был сосед —
энвэпэшник в школе.

Вспомнишь, как конфетами угощал
и журил нестрого,
но в квартире Тонечку прописал
из Владивостока.

Там уж и захаживать перестал,
а который — после,
похмелившись, в прятки с тобой сыграл —
не нашёлся вовсе.

* * *

В чужой квартире, в городе чужом,
где прошлое завешено бельём
и мебелью заставлено — в облезлой
хрущёвке, на четвёртом этаже,
где всё сбылось — мне нечего уже
нашарить в памяти нетрезвой.

Францев Александр Викторович — поэт. Родился в 1981 году в поселке под Архангельском. Работал грузчиком, кочегаром в котельной, разнорабочим на стройке, сторожем. Печатался в журналах «Двина», «Новый Мир», «Сибирские Огни», «Номо Legens», «Кольцо А». Живет в Архангельске. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Там, в деревянной раме, круглый год
в окне затянут марлей небосвод,
и хмурый день насквозь прокурен.
На лестнице знакомая герла,
по кругу вермут из горла —
Кириллов, Мерц да Хабибулин.

Прими давай, наколки разверни.
Давно уж где-то сгнули они,
дурь нюхая в притонах гонорейных,
на скверных адресах родной страны
среди обкуренной шпаны,
не слышавшей о кушнерах и рейнах.

Лишь ты своё бубнишь который год.
И только прожитого полон рот,
как печень — давешней отравой.
А во дворе вчерашний снег горчит,
и ни одна звезда не говорит
над равнодушною державой.

* * *

Видно, не спрятать родимые пятна
за наготою листа,
вышел из литературы обратно
в гиблые эти места.

Грузчиком в «Макси», бабло на сберкнижку,
хату задёшево снять,
чтобы соседи, хватившие лишку,
выли за стенкой опять.

Отговорила и проч. золотая...
Да не пори ты херню,
тленья в промозглой дыре убегая.
Грузчиком значит? Ну-ну...

Заполночь в рифму бубня — не равно ли,
думаешь, где истлевать?
Это ли нам с тобой вешали в школе?
Полно бумагу марать.

* * *

Люди, обречённые на счастье,
обживают коммунальный ад.
Водку глушат, костерят начальство,
песни сдуру голосят.

В толчее томятся коридорной,
своей очереди ждут.
И сорвав крючок в уборной,
из петли соседа достают.

И какого, думаешь, рожна,
это что ли то, что мы хотели,
глядя в телевизор, где страна
вырасти не может из шинели.

Я не помню, чем она берёт,
и другой не знаю, где так больно
на разрыв черёмуха цветёт,
словно ей скомандовали: вольно.